

УДК 821.111.16
ББК 83.3(4Вел)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-11-21

ТЕМА СУДЬБЫ И РОКА В СБОРНИКЕ «ПИСЬМА НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ» ТЕДА ХЬЮЗА

В. Н. Ганин

Аннотация. Статья посвящена поэтическому сборнику английского поэта Теда Хьюза «Письма на день рождения». Книга была напечатана в 1998 г. и очень скоро заняла первые позиции в списке британских бестселлеров. В основе сборника история отношений Хьюза с американской поэтессой Сильвией Плат. В 1956 г. они стали супругами, а в 1963 г. Сильвия покончила с собой. Долгое время Хьюз никак не комментировал гибель жены, хотя многие считали его виновником смерти Плат. 35 лет спустя он в «Письмах на день рождения» пытается определить причины, которые привели к трагическому финалу. Главную причину Хьюз усматривает в предопределенности ее судьбы, ориентированной на подобную развязку.

Ключевые слова: современная британская поэзия, тема судьбы и рока в литературе, Сильвия Плат, Тед Хьюз, сборник «Письма на день рождения».

Для цитирования: Ганин В. Н. Тема судьбы и рока в сборнике «Письма на день рождения» Теда Хьюза // Наука и школа. 2024. № 2. С. 11–21. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-11-21.

THEME OF FATE AND DESTINY IN THE “BIRTHDAY LETTERS” POETRY COLLECTION BY TED HUGHES

V. N. Ganin

Abstract. The article is devoted to the analysis of “Birthday Letters” poetry collection by Ted Hughes. The book was published in 1998 and was at the top of the British bestseller list very soon. It is based on the story of the relations between Hughes and the American poet Silvia Plath. In 1956 they got married and in 1963 Silvia killed herself. Hughes hadn't commented

© Ганин В. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

on the death of his wife for a long time, although many people blamed him for her suicide. After 35 years in “Birthday letters”, he tried to define the causes which led to her tragic end. Hughes sees the main reason in the predetermination of her fate that was aimed at such an outcome.

Keywords: *Contemporary British Poetry, theme of fate and destiny in literature, Silvia Plath, Ted Hughes, poetry collection “Birthday Letters”.*

Cite as: Ganin V. N. Theme of fate and destiny in the “Birthday Letters” poetry collection by Ted Hughes. *Nauka i shkola*. 2024, No. 2, pp. 11–21. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-11-21.

История любви Теда Хьюза и Сильвии Плат – одна из самых известных и драматичных историй отношений двух поэтов второй половины XX столетия. Хьюз и Плат познакомились в Кембридже. Тед к этому моменту уже окончил университет и появился здесь, чтобы отпраздновать выход первого номера журнала “St Botolph’s Review”, в создании которого он принял активное участие и в котором были помещены несколько его стихотворений. Номер, к его разочарованию, оказался единственным и продолжения не последовало. Сильвия же приехала в Кембридж из Америки, она выиграла стипендию Фулбрайта и намеревалась приступить к занятиям на факультете английского языка и литературы. Она писала стихи, и несколько ее стихотворений были уже опубликованы в американских журналах. В руки к Сильвии попало упомянутое издание “St Botolph’s Review”. Некоторые из стихотворений произвели на нее особенно сильное впечатление, и в первую очередь тексты Хьюза, и она уговорила знакомого студента провести ее на вечеринку, посвященную выходу журнала.

Хьюз обратил внимание на танцующую американку, подошел и, оттеснив кавалера, занял его место. Сильвия каким-то образом узнала Теда, и стала наизусть читать его стихотворение из “St Botolph’s Review”. Хьюз пригласил ее в соседнее помещение, где располагался бар. Там он прижал ее к стене, сорвал с стягивающую волосы ленту и поцеловал в губы. Девушка же в ответ сильно укусила поэта в щеку. Он признавался, что целый месяц, как клеймо, носил след этого укуса:

*And the swelling ring-moat of tooth-marks
That was to brand my face for the next month [1, p. 15].*

По легенде, двое новых знакомых ушли с вечеринки вместе, но на самом деле они покинули ее с прежними партнерами. Однако встреча оставила след в сердце каждого из них. Хьюз несколько раз приезжал в Кембридж, чтобы встретиться с Сильвией. Правда, обстоятельства были против него, и вновь они увиделись, когда Плат, направляясь в Париж уладить личные дела, заехала к Теду на его лондонскую квартиру.

Через полгода молодые люди поженились. Это событие они старались сохранить в тайне, так как Сильвия опасалась, что замужество может стать поводом для лишения ее стипендии Фулбрайта. На венчании присутствовала только мать Сильвии, которая как раз приехала в Англию навестить дочь. Даже родители Теда были извещены о случившемся лишь полтора месяца спустя. Медовый месяц молодые супруги провели сначала в Париже, а затем в Испании. По возвращении они поселились в квартире Хьюза. Они были счастливы. Казалось, что их брак и творческий союз были идеальными. У Сильвии в юности были проблемы с психикой, она даже пыта-

лась покончить жизнь самоубийством и провела какое-то время в психиатрической клинике, где ее лечили электрошоком. Врачи усматривали причину болезни в ранней смерти отца, которого девушка очень любила. Замужество благотворно сказалось на Сильвии, никаких отклонений в ее состоянии не наблюдалось.

Искренне восхищаясь поэтическим талантом мужа, Плат старалась помочь ему обрести известность. Она купила пишущую машинку, аккуратно перепечатывала стихи Хьюза и рассылала по редакциям различных журналов. В ноябре 1956 г. она наткнулась на объявление о конкурсе на лучшую первую поэтическую книгу. Конкурс был организован «Издательством Харпера» и Нью-Йоркской ассоциацией еврейской молодежи. У самой Сильвии нужного количества стихов на книгу не хватало, и она сообщила о конкурсе Теду. Вместе они отобрали 40 стихотворений. Жюри было весьма авторитетным, в него входили У. Х. Оден, С. Спендер и М. Мур. Книга Хьюза заняла первое место, и молодой автор получил возможность опубликовать свой первый сборник в «Издательстве Харпера». Сборник был озаглавлен так же, как и одно из стихотворений, вошедшее в его состав, – «Ястреб под дождем» (“The Hawk in the Rain”, 1957). Книгой Хьюза заинтересовалось и престижное британское издательство “Faber and Faber”, оно даже сумело напечатать его раньше американцев. Критики очень доброжелательно отзывались о сборнике, высоко оценил его известный поэт и критик Т. С. Элиот.

По завершению обучения в Кембриджском университете Сильвия получила приглашение на преподавательскую должность в Смит-колледже, который она окончила сама. В июне семья переехала в Соединенные Штаты, а в сентябре Сильвия приступила к работе. Однако преподавательская деятельность давалась ей с трудом, она опять была близка к депрессии и вынуждена была возобновить психоаналитическое лечение. Супруги принимают решение вернуться в Англию, и в декабре 1959 г. они поселились в Лондоне. 1 апреля Сильвия родила дочь, которую назвали Фрида, а в январе 1962 г. на свет появился сын Николас. Николас родился уже в Девоне, где к этому времени обосновались Хьюзы. Они посчитали, что жизнь в сельской местности более благоприятна для здоровья детей, а уединение должно способствовать творческой активности двух поэтов.

Лондонскую квартиру Хьюзы сдали супружеской паре Дэвиду и Асе Велвилл. Дэвид был поэтом, чье творчество обретало популярность, Ася же занималась переводами и пробовала писать стихи. Они приехали из Канады и почти не имели друзей и знакомых в Англии. По этой причине они иногда навещали Теда и Сильвию в Девоне. Визиты Велвиллов стали поводом к сближению Теда и Аси. Вскоре Ася стала любовницей Хьюза. Сильвия очень быстро догадалась, что происходит между ее мужем и Асей. Поэтесса была очень ревнива, и достаточно было малейшего подозрения, чтобы она впадала в ярость. В таком состоянии она била посуду, крушила мебель, а однажды изрезала рукопись Хьюза со стихами. Признание Теда о романе с Асей погрузило ее в глубокую депрессию. Она потребовала развода и в декабре 1962 г. вместе с детьми вернулась в Лондон. 11 февраля 1963 г. Сильвия, не справившись с навалившимся на нее отчаянием, покончила с собой.

После гибели поэтессы многие обвиняли в случившемся Хьюза. Он не пытался оправдаться, не вступал в полемику с критиками. Позднее он объяснял свое поведение тем, что опасался за детей. Он знал, как ранняя смерть отца отразилась на психике восьмилетней Сильвии, и боялся, что подобное может произойти и с его сыном или дочерью. Однако Хьюз не пытался вытеснить из памяти самоубийство жены. Терзавшая его душу боль находила выражение в стихах, которые он создавал

почти на протяжении более 25 лет¹. Эти стихи и составили книгу «Письма на день рождения» (“Birthday Letters”). Сборник был опубликован в 1998 г. за несколько месяцев до смерти Хьюза.

Дата выхода «Писем на день рождения» – 29 января 1998 г. – была рассчитана Хьюзом по гороскопу. «В этот день планета Нептун, покровительствующая поэзии, входит в созвездие Водолея, которое, по мнению астрологов, оказывает большое воздействие на общественное сознание», – объяснил свой выбор поэт [2, р. 10]. Кроме того, решиться на публикацию столь откровенных и полных личных переживаний стихов, что было не характерно для творчества Хьюза, заставил медицинский диагноз о неизлечимом онкологическом заболевании. Обращение к астрологии не было случайным: Тед увлекся ею в ранней юности под влиянием своей сестры Олвин. Она к этому времени неплохо разбиралась в данном учении, вообще была склона к мистике и сумела заразить своими интересами брата. Тед и Олвин вместе проводили спиритические сеансы, на которых вызывали на беседу различных духов. Также Хьюз верил в вещие сны. Один из подобных снов побудил его в годы учебы в Кембридже сменить факультет английского языка и литературы на факультет антропологии. Его угнетало большое количество эссе, которые должны были писать студенты-филологи. Однажды, промучившись над очередным сочинением и не написав ни строчки, Тед отправился спать. Во сне ему привиделось, как в его комнате появилось необычное существо: изможденная фигура с головой лисы, стоящая на задних лапах. На теле были страшные ожоги, они потрескались и кровоточили, а в глазах была неизбывная боль. Существо прошло по чистому листу, лежащему на столе, и на нем остались кровавые следы. Затем оно обратилось к поэту: «Прекрати это, ты уничтожаешь нас». На следующую ночь сон повторился, только вместо лисы появился леопард, но также шагавший на задних лапах [3, р. 9]. Хьюз воспринял увиденное как подтверждение собственных сомнений относительно тех методов подхода к литературному произведению, которые получили распространение в Кембриджском университете под влиянием «новой критики». Ему казалось, что пропагандируемый вид анализа, напоминающий медицинское препарирование, убивает живое начало в художественном тексте.

Вполне закономерно, что мотивы судьбы и рока стали центральными в сборнике «Письма на день рождения». Возникают эти мотивы уже в первом стихотворении «Фулбрайтские стипендиаты» (“Fulbright Scholars”). Лирический герой пытается вспомнить, где располагался новостной стенд, на котором он увидел фотографию американских студентов, прибывших в Англию для продолжения образования:

*Where was it, in the Strand? A display
Of news items, in photographs.
For some reason I noticed it [1, р. 3].*

Он может только предположить, что местом события был Стренд, но уверен: фотография привлекла его внимание. Вероятно, сработала интуиция, так как снимок был своеобразным предисловием к его будущей судьбе. Сильвия была в этой группе. насыщенность текста вопросами, обращенными к самому себе, союз *or* (или), разделяющий варианты ситуации, использование наречия *maybe* (может быть) – все это придает содержанию некоторую расплывчатость и туманность. Но сквозь дымку начинают пробиваться контуры Сильвии. Герой допускает, что особое внимание в группе американцев он обратил на девушек и вряд ли пропустил Сильвию и не оценил ее внешность:

¹ Многим друзьям Хьюз признавался, что начал писать стихи о Сильвии в начале 70-х. Хотя в других случаях он называл более раннюю дату – 1963 г., то есть сразу же после самоубийства жены.

*No doubt I scanned particularly
The girls. Maybe I noticed you.
Maybe I weighed you up, feeling unlikely.
Noted your long hair, loose waves –
Your Veronica Lake bang. Not what it hid [1, p. 3].*

Особый акцент в ее описании делается на волосы. Прическа Сильвии была подражанием Веронике Лэйк (1922–1976), известной американской актрисе, которая прославилась ролями роковых женщин (*femme fatale*). В упоминании Вероники Лэйк может крыться намек, что Плат способна стать для Хьюза такой же «роковой женщиной». Актриса носила длинные вьющиеся белокурые волосы, прикрывавшие ей один глаз. Прическа получила название «игра в прятки» и была очень популярна у американских женщин. Поэт обыгрывает название, но замечает, что ему не удалось уловить тайну, которая была скрыта в самой Сильвии.

Затем лирический субъект переключается на вещи, которые он помнит несколько лучше:

*I was walking
Sore-footed, under hot sun, hot pavements.
Was it then I bought a peach? That's as I remember.
From a stall near Charing Cross Station.
It was the first fresh peach I had ever tasted.
I could hardly believe how delicious [1, p. 3].*

У большинства образов, возникающих в этом отрывке, имеется символический подтекст. Персик подразумевает плотские, сексуальные наслаждения и заставляет вспомнить стихотворение Т. С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Пруффрока», где герой никак не может отважиться на откровенное объяснение с дамой, в которую влюблен. Он подвергает себя допросу, чтобы определить степень своей решимости:

...Do I dare to eat a peach? [4, p. 7]

Другая аллюзия отсылает к ветхозаветному плоду, сорванному Евой с древа познания. Среди наказаний, которые последовали за этим прегрешением, была и утрата бессмертия. Жизнь человека обрывалась теперь смертью. Если спроецировать данную аллюзию на содержание «Фулбрайтских стипендиатов», то можно предположить, что с персика, съеденного героем, начинается отсчет движения Сильвии к смерти. Чаринг-Кросс, считающийся центральным перекрестком Лондона, символизирует выбор пути. Такая возможность возникает с покупкой персика, а после упоминания о Чаринг-Кросс Тед съедает персик, то есть делает свой выбор.

В стихотворении «Сент-Ботольфс» («St Botolph's») описываются обстоятельства личной встречи Теда Хьюза и Сильвии Плат. Она произошла, как уже отмечалось, на вечеринке, посвященной выходу первого номера литературного журнала «St Botolph's Review». Первые 25 строк текста посвящены анализу гороскопа, который герой сам составил и который был неблагоприятным как для вечеринки, так и для него:

*Our magazine was merely an overture
To the night and the party. I had predicted
Disastrous expense: a planetary
Certainty, according to Prospero's book.
Jupiter and the full moon conjunct
Opposed Venus. Disastrous expense
According to that book. Especially for me [1, p. 14].*

Мероприятие действительно обернулось значительными затратами. И большая часть этих затрат была связана не с подготовкой к торжеству, а ужасным состоянием, в котором было оставлено арендованное помещение подвыпившими студентами: окна были разбиты, мебель поломана, паркетный пол превратился в перепаханное поле. Хьюз повторяет *disastrous expense* и в отношении своего героя. Биограф поэта Джонатан Бейт заметил по этому поводу: «Хьюзу суждено было выплачивать до конца жизни стоимость той ночи» [5, p. 123]. Стоит вспомнить, что английское слово *disastrous* восходит к латинским *dis* и *astro*, то есть буквально «разделенный со звездами». В английских толковых словарях одним из главных значений данного слова является *ill-starred* («рожденный под несчастливой звездой») [6]. Современные астрологи, пользуясь натальной картой Хьюза и Плат, а также составив гороскоп на 25 февраля 1956 г., когда произошло знакомство двух поэтов, согласились, что встреча действительно была фатальной для них.

Что-то исключительное проявляется и в том описании Сильвии, которое дает герой, впервые увидев ее на вечеринке:

*First sight. First snapshot isolated
Unalterable, stilled in the camera's glare* [1, p. 15].

Ссылки на фотокамеру и фотографию очень часто сопровождают образ поэтессы в сборнике «Письма на день рождения». Они останавливают мгновение, изымают его из потока времени, потому позволяют в него всмотреться и пережить что-то вроде озарения:

*I see you there, clearer, more real
Than in any of the years in its shadow –
As if I saw you that once, then never again* [1, p. 15].

Сильвия на следующее утро после знакомства записала в дневнике: «Затем случилось худшее. Тот крупный темноволосый привлекательный парень (единственный среди присутствующих достаточно высокий, чтобы подходить по росту мне), который толкался среди женщин и чье имя я спросила, как только вошла в комнату, но никто не смог мне его назвать, – подошел ко мне и пристально посмотрел мне в глаза, и это был Тед Хьюз» [7, p. 297]. В словах Сильвии *the worst happened* также ощущается предчувствие грядущих несчастий.

В стихотворении «Выстрел» (“The Shot”), которое в сборнике идет следующим за «Сент-Ботольфс», поэт называет причину роковой обреченности Сильвии – ранняя смерть ее отца, оставившая неизгладимый отпечаток на ее психике. Поэтому вся последующая жизнь Плат – это неизбежное движение к смерти:

*Your Daddy had been aiming you at God
When his death touched the trigger* [1, p. 16].

Хьюз сравнивает подобное необоримое устремлению к роковому финалу с пулей, летящей к мишени. И даже шрам на ее щеке, который появился в результате неудачной попытки самоубийства, воспринимается им как нарезка ствола, придающая большую точность выстрелу:

*Even the cheek-scar,
Where you seemed to have side-swiped concrete,
Served as a rifling groove
To keep you true.
Till your real target
Hid behind me* [1, p. 16].

Поначалу герой даже не замечает, что пуля прошла сквозь него, он не смог ни остановить, ни изменить ее траекторию. Автор намекает, что Сильвия пыталась найти в нем замену отцу, но он оказался несостоятельным в этом качестве. Упоминания о невозможности бороться с предначертанной Сильвии судьбой неоднократно возникают в содержании сборника. Правда, иногда у лирического субъекта возникают сомнения по поводу своей роли в ходе событий. В стихотворении «Цыганка» (“The Gypsy”) поэт вспоминает о свадебном путешествии с Сильвией по Франции и Испании. Когда они были в Реймсе и сидели в кафе перед знаменитым собором, появилась цыганка, которая шныряла между столами в надежде поживиться чем-то. Она словно заранее знала, кто из посетителей откажет ей и отдергивала протянутую руку прежде, чем звучали слова или следовал отрицательный жест. Но перед Сильвией цыганка задержалась, словно что-то в лице девушки поразило ее. Сильвия, занятая написанием открыток для родственников и друзей, встретила попрошайку кратким «нет». Цыганка же указала пальцем ей в лицо и четко произнесла: *Vous / Crèverez bientôt*. («Вы скоро подохнете»). Сочетание вежливого *Vous* с грубым просторечным *Crèver* придает фразе непоколебимую уверенность в приговоре. Цыганка уходит, Сильвия продолжает заниматься открытками, не обратив внимания на мрачное предсказание. Поэта же, который словно оказался вне пространства этой сцены, услышанное потрясает. Позднее он неоднократно будет возвращаться к этому событию и прокручивать в воображении различные его сценарии, гадая, можно ли было подкупить судьбу:

*But you
Went on writing postcards. For days I rhymed
Talismans of power, in cynghanedd,
To neutralize her venom. I imagined
Returning to Rheims, how I would find her
And give her a coin – bribe her to call home
Her projectile [1, p. 116].*

Стоит обратить особое внимание на то, что сама Сильвия, адресат зловещего пророчества, остается равнодушной к нему:

*But you
Never mentioned it. Never recorded it
In your diary. And I hung in a hope
You hadn't even heard it [1, p. 116].*

И в этом одна из особенностей разыгрывающейся драмы: почти все участники трагического сюжета, за исключением лирического субъекта, не воспринимают возникающие знаки как дурные предзнаменования, а они появляются с пугающей регулярностью по ходу рассказа. Проницательность повествователя обусловлена тем, что он пересказывает события, уже зная о роковой развязке. Данное обстоятельство определяет двойную перспективу, которая возникает в содержании сборника. Поэт предстает в двух ипостасях: как непосредственный участник истории отношений Сильвии и Теда и как рассказчик, находящийся за пределами ее временных границ.

Первый молод, неопытен, лишен способности предугадывать последствия событий, свидетелем которых он стал. Автор неоднократно подчеркивает это обстоятельство:

*At twenty-five I was dumbfounded afresh
By my ignorance of the simplest things [1, p. 3].*

Показательно в этом отношении и стихотворение «Кариатиды» (“Caryatids”). «Кариатиды» – своеобразный поэтический отклик на стихотворение Плат «Три кариатиды без портика» Хьюго Робуса: набросок в скульптурных формах» (“Three Caryatids Without a Portico”)² [8, p. 53]. Это раннее сочинение было напечатано в одном из студенческих журналов, где иногда печатался и Хьюз, то есть он познакомился с поэзией Плат еще до личной встречи с ней. Однако поэтические опыты молодой американки стали объектом насмешек и критики со стороны друзей Хьюза, один из них даже написал едкую рецензию на них. Очевидно, это обстоятельство наложило отпечаток и на восприятие Хьюза:

*It was the first poem of yours I had seen.
It was the only poem you ever wrote
That I disliked through the eyes of a stranger [1, p. 4].*

А также помешало ему увидеть в тексте грозящий бедой знак:

*I felt no interest. No stirring
Of omen. In those days I coerced
Oracular assurance
In my favour out of every sign.
So missed everything
In the white, blindfolded, rigid faces
Of those women [1, p. 4].*

В стихотворении «Сова» (“The Owl”) поэт рассказывает о вечерней прогулке с Сильвией в окрестностях Кембриджа. Чтобы развлечь подругу, Хьюз очень правдоподобно сымитировал крик испуганного кролика. Имитация оказалась настолько убедительной, что из ближайшего подлеска вылетела сова и уселась Хьюзу на голову, приняв его за столб в ограде. Поэту случившееся показалось забавным эпизодом, лишь позднее он вспомнил, что появление совы древние римляне считали предвестием несчастий, а ее крик предупреждал о грядущей смерти.

Схожий сюжет используется и в стихотворении «Ивовая улица, 9» (“9 Willow Street”). В названии стихотворения дается американский адрес четы Хьюзов. Во время прогулки герой видит под деревом летучую мышь. Он предполагает, что животное упало с дерева и теперь не может вернуться на место обитания. Поэт решает спасти летучую мышь, но она весьма агрессивно защищается, и ему никак не удастся ухватить ее. Тогда он дает ей укусь себя за палец. Челюсти летучей мыши смыкаются на пальце, герой усаживает ее на ствол, животное отпускает палец и начинает карабкаться по стволу вверх. Дома поэт осматривает окровавленный палец и вспоминает, что американские летучие мыши иногда бывают заражены бешенством. Молодого Хьюза в данном случае беспокоит лишь угроза заражения бешенством, зрелый же Хьюз, оглядываясь со значительной временной дистанции на это событие, видит в нем сложный символический смысл, предсказывающий его судьбу:

*At home I looked at the blood, and remembered:
American bats have rabies. How could Fate
Stage a scenario so symbolic
Without having secreted the tragedy ending
And the ironic death? It confirmed
The myth we had sleepwalked into: death.
This was the bat-light we were living in: death [1, p. 74].*

² Данное стихотворение никогда не было включено в поэтические сборники Плат, которые редактировал Хьюз.

Поэт вынужден бороться с агрессивной «американской» летучей мышью, когда пытается помочь ей. Происходящее превращается почти в театральное представление, так как собирается толпа, с интересом наблюдающая за поединком, который в какой-то момент становится почти жертвоприношением, когда герой, чтобы утихомирить летучую строптивицу, предлагает ей несколько капель собственной крови. «Зрелый» Хьюз видит в этом инциденте символическое отражение его брачных отношений с Сильвией и его деятельности как душеприказчика литературного наследия после смерти поэтессы.

Образ летучей мыши содержит аллюзии на стихотворение Плат «Папочка» (“Daddy”), в котором она называет Хьюза вампиром, семь лет питавшимся ее кровью:

*If I've killed one man, I've killed two –
The vampire who said he was you
And drank my blood for a year,
Seven years, if you want to know* [9, p. 224].

Драма, которая разыгрывается на страницах «Писем на день рождения», подкрепляется и сочинениями Сильвии Плат. Судьба Сильвии и Теда отчетливо вырисовывается при ретроспективном перечитывании ее произведений. В стихотворении «Гороскоп» (“Horoscope”) героиня изъявляет желание заняться астрологией, чтобы узнать свое будущее. На это автор заявляет, что ей нет необходимости изучать движение планет, рассчитывать их положение и орбиту, потому что ее поэзия содержит более точное предсказание судьбы, чем любой гороскоп:

*Only you had no need to calculate
Degrees for your ascendant disruptor
In Aries.
[...]
You only had to look
Into the nearest face of a metaphor
Picked out of your wardrobe or off your plate
Or out of the sun or the moon or the yew tree
To see your father, your mother, or me
Bringing you your whole Fate* [1, p. 64].

Таким образом, сборник Хьюза также носит интертекстуальный характер. Роковая развязка и обреченность брака двух поэтов уже заложены в содержании произведений Плат, но там они скрыты от поверхностного взгляда. Задачу по их проявлению и пытаются решить «Письма на день рождения». В результате взаимодействия двух текстов возникает драматический сюжет, близкий по накалу к жанру греческой трагедии, где яркие оригинальные герои неумолимо приближаются к смертельному финалу. Параллель не случайная, так как подобное сравнение возникало и у недовольных критиков, и у тех читателей, которые восторженно приняли поэтический сборник Теда Хьюза.

«Самая трагическая литературная история любви нашего времени» – так назвал «Письма на день рождения» редактор лондонской «Таймс» Питер Стотхард в рецензии, помещенной на первой странице газеты. Рецензия появилась на 10 дней раньше официального выхода сборника и стоила редакции 25 тысяч фунтов за эксклюзив. Также в статье можно было обнаружить еще одно восторженное определение:

«Величайшее произведение нашего величайшего из живущих авторов» [10, р. 93]. «Гром среди ясного неба... Ничего подобного нет в нашей литературе... это – его величайшая книга» [11], – присоединился к Стотхарду известный поэт и критик Эндрю Моушен. Достаточно доброжелательно о новом сборнике отозвались и многие другие британские стихотворцы.

Об успехе книги у читательской аудитории свидетельствует тот факт, что первое издание тиражом в 50 тысяч экземпляров было моментально раскуплено. К концу года «Письма на день рождения» заняли третью позицию в списке британских бестселлеров – для поэтического сочинения это было событие исключительное. Почти сразу же сборник был удостоен нескольких престижных литературных премий.

Впрочем, были попытки дать более взвешенную и объективную характеристику изданию. Литературный критик и близкий друг семьи Хьюзов – А. Альварес, отмечая популярность «Писем на день рождения», все же признал, что книга во многом определяется интересом к обстоятельствам семейной трагедии, а не поэтическими достоинствами самого текста:

«Письма на день рождения» Теда Хьюза, вероятно, стали бестселлером не из-за красоты и силы их языка, а потому что люди захотели узнать подробности о его браке с Плат» [12, р. 114].

Автор нескольких исследований о творчестве Теда Хьюза – К. Сейгар отнес «Письма на день рождения» к числу не самых выдающихся работ поэта: «“Письма на день рождения” и “Рассказы из Овидия” не входят в число главных достижений Хьюза. Хотя они и великолепны в своем роде, они не дают Хьюзу возможности проявить ту свободу воображения, которая характеризует его самые значительные произведения, так как ограничивают возможности Хьюза уже существующим материалом: либо историями Овидия, либо задокументированными фактами его отношений с Сильвией Плат. Сюжет обоих произведений был уже заранее предопределен» [13, р. x]. С другой стороны океана, из Америки, где феминистское движение имело сильное влияние на литературный процесс, отзывы были более критичными. Представительницы феминизма сразу же после самоубийства Плат сделали ее иконой своего движения. По их мнению, судьба поэтессы стала лишним подтверждением того, что в обществе, основанном на патриархальных ценностях, талантливая женщина не может реализовать себя. Они преследовали Хьюза обвинениями в смерти Плат. Нередко его выступления на публике прерывались криками: «Убийца». Когда он в 1976 г. отправился в Австралию на поэтический фестиваль, в аэропорту его встретила толпа с плакатами, на которых он также назывался убийцей Плат. Несколько раз феминистки проникали на кладбище, где была похоронена поэтесса, и сбивали с надгробной плиты вторую часть ее фамилии – «Хьюз». Не удивительно, что не приняли они и сборник «Письма на день рождения», в котором увидели лишь попытку поэта оправдать себя, придав отношениям с Сильвией характер древнегреческой трагедии, где сюжет независимо от воли героев движется к роковому финалу. Они с едкой иронией спрашивали: если Хьюз понимал, что жена неизбежно движется к гибели, почему он, вместо того чтобы поддержать ее, своей изменой с Асей Велвилл толкнул к самому краю.

Очевидно, настоящий ценитель поэзии не должен замещать стихотворный текст биографическими фактами, хотя знание их может помочь острее ощутить напряженность и искренность чувств, которые часто прорываются в «Письмах на день рождения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Larkin Ph. *Birthday Letters*. L.: Faber and Faber, 1999. 1988 p.
2. Wagner, Erica *Ariel's Gift: A Commentary on Birthday Letters*. N. Y.: W. W. Norton, 2002. 292 p.
3. Hughes T. *Winter Pollen: Occasional Prose*. L.: Faber and Faber, 1994. 480 p.
4. Eliot T. S. *Collected Poems*. N. Y.: Brace and World Inc., 1963. 221 p.
5. Bate J. *Ted Hughes: The Unauthorised Life*. N.Y.: Harper, 2015. 662 p.
6. *Oxford English Dictionary*. Ed. by John Simpson and Edmund Weiner. In 20 vols. Vol. 1: *Disastrous*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 1015 p.
7. Plath S. *Stone Boy with Dolphin*. In: *Jonny Panic and the Bible of Dreams and Other Prose Writings*. L.: Faber and Faber. 1977. P. 129–143.
8. Gill J. Ted Hughes and Sylvia Plath. In: *The Cambridge Companion to Ted Hughes*. Cambridge: Cambridge University Press, Pp. 53–66.
9. Plath S. *Collected Poems*. L.: Faber and Faber. 1981. 351 p.
10. Byrne S. *The Poetry of Ted Hughes: A Readers Guide to Essential Criticism*. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 178 p.
11. Motion A. "A Thunderbolt from the Blue". *Times*, 17 Jan. 1998: 22.
12. Alvarez A. *The Writer's Voice*. L.: Bloomsbury Publishing, 2005. 130 p.
13. Sagar K. *The Laughter of Foxes: A Study of Ted Hughes*. Liverpool: Liverpool University Press. 2006. 196 p.

Ганин Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории отечественной и зарубежной литературы, Московский государственный лингвистический университет

e-mail: vladgan99@yandex.ru

Ganin Vladimir N., ScD in Philology, Full Professor, Professor, World Literature Department, Moscow Pedagogical State University; Professor, Russian and Foreign Literature Department, Moscow State Linguistic University

e-mail: vladgan99@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

The article was received on 30.10.2023